

Свет ударил в глаза. На самом деле он был тусклым и безжизненным, этот солнечный свет, с трудом пробивающийся из-за сплошной пелены свинцовых туч. Но для чувствительных глазных нервов, все еще до конца не восстановившихся после яркой вспышки, этого было вполне достаточно. Сразу захотелось вновь смежить веки, но он не дал себе этого сделать. Мгновения блаженного неведения миновали. Наступило время сурового настоящего.

Он медленно поднялся с сырой земли. Внизу под ногами росла серая, больная трава, чудом выжившая на зараженной земле, а прямо перед ним торчал большой плакат, на котором была начертана надпись, полуразмытая кислотными дождями:

«Увага! Радіаційна небезпека! ПТЛРВ “Копачі”. Територія ДСП “Комплекс” м. Чорнобиль, вул. Кірова, 52. Тел. 5–19–24; 5–24–84. В’їзд на територію ПТЛРВ без дозволу КАТЕГОРИЧНО ЗАБОРОНЕНО!»*

* «Внимание! Радиационная опасность! ПТЛРВ (Пункт тимчасової локалізації радіоактивних відходів/Пункт временной локализации радиоактивных отходов) “Копачи”. Территория ДСП (Державного спеціалізованого підприємства/ государственного специализированного предприятия) “Комплекс” г. (місто/город) Чернобыль, ул. Кирова, 52. Тел. 5–19–24; 5–24–84. Въезд на территорию ПТЛРВ без разрешения КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕН!» (перевод с українського).

— Поганый будет денек, — сказал дядька Стафф, шуря дряблые веки.

Щурился он скорей по привычке — затянутый бычьим пузырем оконный проем почти не пропускал света. Но кое-что все-таки разглядеть было можно. Например, силуэты закованных в броню всадников, проплывавшие мимо жалкой лачуги. Звон железа, храп лошадей и приглушенные ругательства не оставляли сомнений — по разбитой деревенской дороге проезжал вооруженный отряд всадников, закованных в латы. Не иначе, какой-нибудь рыцарь с шайкой оруженосцев и конных сержантов.

— Поганый будет денек, — повторил дядька Стафф. — В прошлом годе синьор соседнего графства тоже ездил воевать дракона.

— И что? — спросил Лис.

— А ничего. Это ж только герольды горазды орать: «Рыцарь вышел с мечом на дракона и победил его!» На деле же что? Соберет тот рыцарь двести оглоедов, настроят они баллист и ну того дракона искать. А поди его найди? Он раз в луну быка украдет, съест, да и спит себе где-нибудь в лесу иль в пещере. И пока он спит, всякая нечисть бежит из тех мест. Потому как знает — здесь дракон кормится и жизни ей тут не будет, ежели он кого из ночных тварей вблизи почует.

Старик отошел от окна, взял со сколоченного из неструганных досок стола глиняный кувшин с отколотым краем и, запрокинув голову, долго дергал острым кадыком, утоляя жажду.

— Смотри-ка, у нас под потолком нетопырь завелся, — сказал дядька Стафф, утирая губы рукавом и ставя кувшин обратно. — Придется дымом выкуривать, пока он никого не куснул.

Лис неопределенно хмыкнул. Его всегда удивляла способность постоянно жалующихся на зрение пожилых людей не видеть то, что

стоит на столе, но при этом замечать иголку, лежащую на полу под столом. Например, разглядеть в непроглядной черноте потолка крошечного летучего вампира для Лиса было делом мудреным, хотя зим он видел ровно на четыре десятка меньше, чем дядька Стафф.

— Но то попозже, — сказал старик, присаживаясь на лавку. — Пусть сначала вояки проедут.

Он зыркнул в сторону окна, и во взгляде том не чувствовалось преданности верного раба доброму господину, о которой на городских площадях тоже часто кричали голосистые герольды. Наверно, потому, что деревня Лиса находилась в двух днях пешего пути от города и голоса герольдов не достигали крестьянских ушей.

— Дядька, ты про соседнего графа так и не досказал, — напомнил Лис.

Он лежал на некоем подобии кровати, сколоченный из тех же досок, что и стол, и это занятие ему порядком надоело. Но приказ самого графа, озвученный вчера проехавшим через деревню глашатаем, был ясен — во избежание человеческих жертв всем сидеть по домам. Граф едет воевать дракона. И если кто высунется, пусть пеняет на себя. Дядька Стафф сказал, что брехня все это и что граф просто не хочет, чтобы в случае его поражения рядом были лишние свидетели. А герольды в любом случае обставят все как надо — работа у них такая.

— Это точно, не досказал, — кивнул старик. — Память уже не та стала, не помню ни кутруба. Так вот, уехал тот граф, пострелял себе, дракона не убил, а только разозлил. Его поди убей. Чтoб этaкoe чудовище прикончить, очень сильно повезти должно, на нем же сплошь броня, причем в несколько раз толще и надежнее любой рыцарской. В общем, дракон графских прихвостней разогнал — кого-то убил, но большинство спаслось на быстрых конях вместе со своим господином. Ну, а дракон, как и все они после таких дел, со зла стал людей искать и плевать огнем во все, что движется. В результате, пока искал, спалил целую деревню, после чего проклял то место — и улетел незнамо куда. Всегда так получается. Графья да рыцари от безделья дурью мучаются, а простой люд гибнет не пойми за что.

— Не понимаю, — сказал Лис, пытаясь поудобнее устроиться на узкой и жесткой лежанке. — Неужели нельзя с драконами договориться? Ну, чтоб в мире жить. Они ж вроде как твари разумные.

— Ну ты сказал — договориться, — хмыкнул старик. — Иди с волком договаривайся. Он тоже зверь разумный, да только жрать периодически хочет. И тогда весь свой разум на одно направляет — как

с голодухи не помереть. Хотя дракон, конечно, поумнее волка будет, но как с ним договариваться-то? Языка драконов никто не знает, да и неизвестно никому, могут ли они вообще разговаривать. А даже если и могут, то захотят ли? На кой тому же волку вести беседы с охотниками? Правильно, незачем...

Зная дядьку Стаффа далеко не первый день, Лис понял, что история грозит перетечь в русло рассуждений по поводу достоинств и недостатков драконов. А это парню за несколько лет порядком поднадоело. Жителям деревни долгими зимними вечерами зачастую делать было особенно нечего — дрова заготовлены, скотина накормлена сеном, остатки ужина догорают в алтаре предков. Только и дел остается, что чесать языками, по многу раз переиначивая на свой лад старые были и небылицы о графах, рыцарях и драконах.

— И что дальше? С жителями той деревни, что дракон спалил? — перебил Лис дядьку Стаффа.

Старик мигнул, запнулся, потом проворчал недовольно:

— А что с ними? Те, кто выжил, не обрадовались. В места, проклятые драконом, нечисть толпами ломится. Там им самое житье. Им, но не людям.

— Почему?

— Иногда удивляюсь я тебе, — покачал головой дядька Стафф. — Вроде смысленный парень, умом Вышние не обидели, а иной раз такое скажешь... Что ж тут непонятного? Ест нечисть людей. А кого не съест, самого нечистым делает. От драконьего проклятия и возникают на земле Черные Пятна, куда людям хода нет.

Дядька Стафф вздохнул.

— Так, глядишь, скоро и наш мир станет одним Черным Пятном. Господа и их рыцари только о славе думают, им в своих замках делать нечего, скука заедает, вот они и развлекаются. А на людей им плевать. Вот и сейчас — чует мое сердце недоброе. Утром еще главный отряд проехал, пока ты дрых как сурок. С баллистами. А сейчас, видать, подмога к графу скачет. Стало быть, плохи у него дела.

— Дядька Стафф, а как они узнали, что дела плохи? — спросил Лис.

— Ясно дело как. Через каждые два полета стрелы ставят телегу хвороста и пешего воина. Ежели беда — ближайший воин ту телегу поджигает, а сверху на огонь льет пару шлемов воды. Дымища жуткая получается. Соседний воин в цепочке тот дым видит и свою телегу тоже подпаливает. Так по цепочке неважную весть главному замку и передают. А хворост и телеги ясно дело у кого берут — у нашего брата крестьянина. Им забавы, а нам куда ни кинь — одни убытки...

Подслеповатый Дядька Стафф сидел спиной к окну и вряд ли видел, как пятно тусклого света, пропущенного через бычий пузырь, исчезло, словно на улице внезапно наступила ночь.

— Наверно, рыцари еще одну телегу запалили, — предположил Лис, кивнув на окно.

Дядька Стафф кряхтя обернулся — и вдруг подскочил, словно прожитые годы осыпались с него, как жухлые листья с молодого дуба. От удара мозолистого кулака бычий пузырь, натянутый на криво пропиленную дыру в стене, лопнул с звучным хлопком. В лачуге явственно запахло гарью.

— Беги! — заорал дядька Стафф, бросаясь к двери. — Беги, парень!! Это дракон!!!

Лис был сообразительным малым, и дважды повторять столь понятные команды ему было не нужно. Изображение дракона Лис видел лишь однажды на ярмарке у продавца дешевых картинок, и ему не понравился ни продавец, ни то, что было нарисовано на его товаре.

Судя по тому, как шустро вылетел за дверь престарелый дядька Стафф, времени раздумывать не было. Лиса не зря прозвали Лисом — когда надо, он умел быть проворнее зверька, имя которого носил.

Кубарем слетев с лавки, парень сунул ноги в башмаки, схватил в охапку латаную-перелатаную кожаную куртку и как был, в одних коротких штанах, метнулся вслед за не по годам резвым стариком.

И вовремя!

На него со скоростью выпущенной навстречу стрелы надвигалась стена огня, над которой парила черная крылатая тень, закрывшая собой солнце. Лис еще успел заметить, как море пламени поглотило несколько закованных в железо всадников, тщетно нахлестывавших обезумевших коней в надежде спастись. После чего по глазам словно лезвием ножа полоснул черный дым, и сразу стало нечем дышать. Горячий воздух толкнул в грудь, и Лис понял — от огненной смерти его отделяют считанные мгновения.

«Колодец!»

Единственное богатство и гордость дядьки Стаффа — добротный колодец, вырытый им еще в молодые годы, — находился сразу за домом.

«Высшие, помогите!» — взмолился Лис, прикрывая лицо курткой и срываясь с места.

Бежать пришлось вслепую, прихватив зубами подкладку куртки и экономя воздух, оставшийся в легких, потому как не умеет человек дышать черным, тяжелым дымом, заполнившим все вокруг.

Кожаные стельки почти сразу начали жечь ступни. Лис на бегу бросил взгляд вниз и увидел, как из-под башмаков вырываются струйки дыма. Тлеи подошвы, и это добавило парню прыти. Пробежав по сотни раз хоженной дорожке, Лис без раздумий прыгнул вперед, очень сильно надеясь, что колодезная веревка не успела загореться.

Ему повезло. Ладони ткнулись в пропитанную влагой, но уже горячую веревку.

«Высшие, помогите!!!» — в который раз мысленно взмолился Лис, до того не особо верящий в помощь невидимых покровителей. Бывают в жизни мгновения, что поверишь в кого угодно, лишь бы помогли...

В молодости дядька Стафф постарался на славу — колодец получился глубоким. И воды в нем всегда было предостаточно. Потому Лис и не переломал ноги, хотя пятками ткнулся об дно очень даже чувствительно. Ткнулся, оттолкнулся, спружинив ногами, вынырнул, словно выброшенная на берег рыбина, широко открытым ртом хапнул горячего воздуха — и нырнул снова, спасая волосы и лицо от языков пламени, рванувшихся к нему сверху.

Лис успел подумать, что у него есть все шансы стать основой для бульона, если дракон зависнет над колодцем.

Но жизнь такая штука, что не может человеку не везти постоянно, систематически и в таких масштабах. Дракон, видимо, не имел обыкновения долго парить над им же созданным пепелищем — у него наверняка были дела поважнее.

Огонь над головой, отчетливо видимый сквозь призму воды, померк столь же внезапно, как и появился. Лис вынырнул и тут же хлебнул от неожиданности малость горячей воды, приняв на макушку вонючий кусок горелой колодезной веревки. Смахнул его с головы, сплюнул черную от сажи воду...

И задумался.

Путь обратно был отрезан. Вечернее небо над головой словно накрыло колодец унылым серым саваном. Тем не менее еще можно было различить, что деревянный колодезный ворот сторел дотла, один почерневший железный сердечник от него и остался. Словом, как хочешь, так и выбирайся. Можно, конечно, поорать, авось кто услышит. Только вряд ли. Черные Пятна, выжженные драконами, простирались на много полетов стрелы, и ничего живого на них не водилось. Особенно первое время. А то, что появлялось на них потом, не было живым в человеческом понимании этого слова.

Лис приуныл. Правда, ненадолго. Не в его правилах было падать духом в сложной ситуации. В его правилах было искать выход из трудного положения.

Еще в детстве, когда деревенские ребяташки вдруг взялись было толпой обижать подкидыша дядьки Стаффа, тот, недолго думая, однажды отпилел от лопаты половину рукоятки и той нехитрой дубинкой за день переколотил всех обидчиков, отлавливая их по одному. Выскакивал из засады, лупил по чему ни попадя и убегал, так ловко прячась в новую засаду, что найти его было решительно невозможно.

Избитые пацаны сбились в стаю, горя жаждой мести, но их поиски не увенчались успехом — прятаться подкидыш умел отменно. А еще он умел ждать. И когда уставший мститель откальвался от толпы, намереваясь немного отдохнуть, его уже ждала очередная порция неожиданных, обидных и крайне болезненных тумачков.

В общем, к концу дня вся детвора разбежалась и попряталась по домам, а поисками мстителя занялись взрослые. У них это получилось лучше, чем у поколоченной ребятни. И несдобровать бы отловленному мальчишке, кабы не отбил его у крестьян дядька Стафф. Взял за шиворот, как котенка, приволок к себе домой и сам наказал вожжами — и за самодеятельность, и за лопату. Но при этом приговаривал: «Не за то дуплю, что отомстил, а за то, что попался». После чего и прикрепилось к пацану прозвище — Лис. За хитрость и за умение прятаться.

И за ловкость. Влезть по смазанному салом столбу на ярмарке и снять оттуда новые кожаные башмаки для худого да жилистого Лиса было занятием плевым. В одну ярмарку дядьку Стаффа обул в хорошем смысле этого слова, в другую — себя, а на третью отказались деревенские от старинной забавы. Была охота башмачнику каждую ярмарку не пойми кому новую обувку дарить. Небось самому пригодится.

Вот и сейчас прикинул Лис что к чему, упер одну ногу в бревенчатую стену колодца, другую — в противоположную и осторожно начал взбираться вверх, переставляя ступни с одного бревна на другое и вонзая черные от сажи ногти в скользкую древесину.

Ему повезло. Он не сорвался вниз и через некоторое время, подтянувшись на онемевших руках, вывалился из колодца, подвывая от боли в перерастянутых мышцах.

И тут же, случайно коснувшись земли ладонями, вскочил на ноги. Хорошо, что успел еще дома впрыгнуть в башмаки, а то бы так и плясал до утра на манер ярмарочного шута.

Земля была горячей. И черной. На многие полеты стрелы вокруг.

А деревни больше не было. От нее остались лишь обгорелые, дымящиеся скелеты домов. Дыхание разъяренного дракона — это не просто огонь. Это огненный вихрь, сметающий все на своем пути.

— Дядька Стафф! Дядька Ста-афф!!! — закричал Лис.

Ответом ему была тишина. Парню показалось, что его голос потонул в этой жуткой тишине, накрывшей гигантское пожарище. Ни единого звука вокруг. Ни птиц, ни шороха, ни порыва ветра. Ни звука. Такого даже на кладбище не бывает.

«Проклятие дракона! — вспомнил Лис. — Живым здесь не место. Надо поскорее убираться отсюда».

Он все же подошел к тому месту, где стоял дом дядьки Стаффа. Нет, никто не мог выжить в огненном вихре, упавшем с небес. На месте дома, в котором Лис прожил сколько себя помнил, теперь стоял лишь чудом уцелевший кусок обугленной стены да валялась груда тлеющих досок. И все.

Лис отвернулся и быстро пошел прочь. Сейчас ему очень хотелось заплакать, но он не умел этого делать. Никогда. Даже в детстве Лис никогда не плакал. Он слышал, что, когда человек плачет в горе, ему становится легче. И сейчас ему очень хотелось научиться плакать.

А еще он очень хотел есть.

Горе не горе, беда не беда, но, когда тебе едва минуло полторы дюжины весен, тело требует свое независимо от того, что творится у тебя на душе.

Но сейчас важнее голода было одно — поскорее уйти из этого страшного места. Туда, где под ногами земля, а не спекшаяся черная корка. Где есть люди. Лучше, конечно, в город, о котором много рассказывал дядька Стафф. Хотя бы потому, что там, в отличие от выжженной деревни, точно есть живые люди...

* * *

В город вела дорога, по которой уходили подводы с податями графу — хозяину деревни. Из города приехали рыцари, собиравшиеся убить дракона и навлекшие на селян страшную беду. И хотя дороги больше не было, как не было знакомых с детства ориентиров — мельницы, церкви Высших, дома старосты, — все равно не составляло труда найти правильное направление.

Там, откуда приехали рыцари, лежало несколько бесформенных куч.

Лис подошел поближе.

От закованных в латы рыцарей и их бронированных коней остались лишь горы оплавленного металла. А еще в воздухе ощутимо пахло жареным мясом.

Картина была жуткая. Но пустой желудок Лиса отреагировал на запах довольным бурчанием.

«Может, что в седельных сумках сохранилось?» — с надеждой подумал Лис, обходя то, что осталось от отряда конников после атаки дракона.

Его надеждам не суждено было сбыться. Сумки, понятное дело, сгорели. Однако и лошадиное, и человеческое мясо, защищенное железной броней, сгореть не сгорело, но прожарилось отменно.

«Да простят меня Высшие...» — подумал Лис.

Из-под пластинчатой накидки, прикрывающей ноги лошади, торчал обгорелый кусок мяса с обугленной костью на конце, отдаленно напоминавшей копыто. То, что лежало на виду, в пищу явно не годилось.

Лис снял свою многострадальную куртку и оторвал кусок подкладки. Судя по оплавленному и дымящемуся шлему рыцаря, доспехи человека и лошади все еще были раскаленными, и как-то не хотелось получать ожоги вдобавок к ссадинам и занозам, засевшим в ладонях во время подъема из колодца.

Проигнорировав неподъемный меч, Лис потянулся к кинжалу, чудом державшемуся на обгорелых ошметках когда-то роскошного пояса. Кожаная обмотка рукояти и ножен обуглилась, но само оружие, похоже, не пострадало.

«Только бы руки не спалить. Помнится, старики говорили, что металл очень долго держит тепло от огня из пасти дракона, сутками железо не остывает».

Опасения Лиса не оправдались.

«Зря подкладку попортил», — поморщился парень, осторожно трогая пальцем чуть теплый, словно живой металл.

Лис осторожно, словно дохлую змею из норы, вытащил кинжал из ножен.

Клинок из тусклого металла, испещренный диковинными узорами, не пострадал от огня. И был вполне пригоден для использования.

Правы были старики — чешуйчатая броня лошади была гораздо горячее кинжала. Это Лис ощутил, как говорится, на собственной шкуре. Хорошо только палец обжег, а не всей пятерней сунулся. Поэтому оторванный кусок материи не пропал даром. Шипя и тихонько

произнося про себя слова, за которые запросто могли покарать Вышние, парень с усилием приподнял край лошадиной брони.

Так и есть. Под броней мясо пострадало меньше. И, судя по запаху, на мгновение перебившему запах гари, прожарилось замечательно.

Дорогой кинжал тоже оправдал ожидания, легко пройдя сквозь паленую лошадиную шкуру. На мгновение промелькнула мысль: сколько же может стоить такое отменное оружие? Мелькнула — и пропала. Ловким круговым движением Лис вырезал из лошадиной ноги приличный шмат мяса и впился зубами в горячую плоть.

Отсутствие соли и кислой браги, которую делали местные крестьяне из болотных ягод, Лиса не смутило. Желудок сейчас получал главное, а о второстепенном можно было позаботиться позже.

Когда парень утолил первый голод, второстепенное нашлось на дне серебряной фляги мертвого рыцаря. Немного, на три глотка только и хватило — остальное испарилось. Но того, что хватило, Лису оказалось вполне достаточно для того, чтобы всерьез задуматься о будущем.

Ему вдруг очень захотелось стать рыцарем. Не тем, который сейчас валялся на земле, запеченный в собственных доспехах, а живым. Тем, который каждый день облачается в дорогую броню, катается на породистом коне, владеет отличным оружием и пьет горячее вино, вкуснее которого нет ничего на свете.

Во всяком случае, так показалось Лису.

А потом он увидел кутруба.

Вернее, то, как рождается маленький кутруб из пепла Черного Пятна, проклятого драконом.

В пяти шагах от Лиса пепел от сгоревшей травы сам собой зашевелился и начал вращаться, в считанные мгновения превратившись в маленький черный смерч высотой в локоть.

Это странное явление продолжалось недолго. Ровно столько, чтобы Лису хватило времени осознать то, что происходит, сопоставить это с рассказами дядьки Стаффа, нагнуться, подхватить серебряную флягу вместе с кинжалом и со всех ног броситься бежать.

На бегу он обернулся лишь один раз. И увидел, как из вихря, который вырос уже до трех локтей в высоту, высунулась тонкая трехпалая рука с пока еще прозрачными когтями и, неуверенно всунув их в черную землю, дернулась, подтягивая вихрь к трупу всадника и останкам его коня. А еще парню показалось, что из вихря вслед ему сверкнул взгляд внимательных глаз, горящих драконьим огнем.

Лис не стал дожидаться, пока из вихря вывалится маленький кутруб-трупоед, который с голоду да по малолетству не разбирает,

кто мертвец, а кто живой человек, и кидается на все, что шевелится или пахнет хоть каким-то подобием еды. Лис сейчас был и тем и другим, благодаря завтраку и куску паленой конины за пазухой, потому и припустил он со всех ног от греха подальше.

Дороги под ногами не было — лишь спекшаяся в корку почва да зола от сгоревшей травы и листвы деревьев — тех, что то тут, то там тянули к небу черные корявые ветви, похожие на страшные когти гигантского кутруба, который вот-вот вырвется наружу из страшных недр подземной Обители мертвых.

Однако Лис знал дорогу к городу. Далекие снежные пики Клыкков Дракона, видимые за множество полетов стрелы, служили хорошим ориентиром. Если взять немного западнее от них и идти два дня, оставившись лишь на ночлег, то, как говорил дядька Стафф, как раз и дойдешь до Стоунхенда, столицы графства Стоун.

Мелькнула мысль добавить «покойный дядька Стафф», но Лис прогнал ее от себя. Простой крестьянин, который в течение всей жизни заменял подкидышу отца, именно сейчас вдруг стал Лису настоящим отцом. Когда потерял — пришло понимание. Не тот отец, чей смутный образ в памяти уже давно размыло время. Лишь пожилой человек, который заботился о нем все эти годы, и был самым настоящим отцом.

Лис с усилием проглотил комок, застрявший в горле, и мысленно запретил себе вообще думать о прошлом, сосредоточившись лишь на единственной цели — дойти до города во что бы то ни стало.

Между тем солнце давно миновало зенит и, хотя думать о ночлеге было еще рано, следовало поразмыслить о том, как бы успеть до заката покинуть зону Черного Пятна.

Дракон, спаливший деревню, был взрослым и сильным. Молодому столько не выжечь, огненной отрыжки не хватило бы. В деревне много судачили о драконах, особенно долгими зимними вечерами, когда всех дел было у детворы — собраться в общинной избе и слушать сказки седобородых воинов, по старости уволенных со службы и вернувшихся в родную деревню.

Один из тех воинов как-то обратил внимание на тощего, но проворного парнишку. Подозвав его к себе, ветеран неожиданно ухватил пацана за загривок и оттянул нижнюю губу так, что из глаз Лиса брызнули слезы. Однако, когда малец попытался трепыхнуться, железные пальцы воина так сжали затылок, что боль в губе показалась сущим пустяком.

Обстоятельно осмотрев нижние зубы, жилистый старик схватил пальцами верхнюю губу парнишки. И несколько мгновений, пока мучитель выискивал что-то во рту Лиса, показались тому вечностью.

— Здоров, — сказал воин, наконец отпустив загривок пацана. — В лучники сгодится.

И сразу потерял к нему интерес.

Несмотря на боль в надорванной нижней губе, Лис в душе возликовал. Это значило, что ему больше не придется таскаться за плугом и надрывать на сенокосе. Пятеро старых ветеранов, которых кормила деревня Лиса, тоже не занималась крестьянским трудом. В их обязанность входила защита жителей и их имущества от набегов разбойников, которых немало водилось в окрестностях.

Конечно, защита подданных входила в обязанность графа — хозяйина деревни. Но держать гарнизон в каждом селе ему было накладно. Раз в год силами графского войска проводилась зачистка местности от разбойников, и заранее о ней не знали только глухие и мертвые. Заниматься карательными операциями графы предпочитали при полном параде, с барабанным боем, завыванием труб и воплями глашатаев. Потому обычно те зачистки не представляли ни малейшей опасности для разбойников, которые спокойно уходили дальше в леса и пережидали там очередное развлечение сильных мира сего. Чего нельзя было сказать о крестьянах, из своего кармана расплачивающихся за «заботу» своего сеньора.

В итоге в каждой большой деревне имелось несколько пожилых воинов, из-за возраста и застарелых ран не годных к службе, и небольшой отряд ополченцев, которые под руководством ветеранов все свое время посвящали тренировке воинских навыков и патрулированию окрестностей. Пару раз было, отбивались от шаек, и Лис принимал в том участие. Метать стрелы из тисового лука он научился на удивление быстро. Причем так метко, что даже ветераны удивлялись, а ровесники завидовали. Оттого и не дружил Лис ни с кем. Да и не было на то времени. Гоняли ветераны молодняк беспощадно, и на мечях учили, и на копьях, и верхом. Жаль, что лишь два года посвятил Лис воинской науке. А на третий прилетел разозленный рыцарями дракон...

Парню повезло. Еще дважды видел он маленькие черные смерчи, но новорожденного кутруба повстречать так и не довелось, за что Лис уже не раз вознес мысленную благодарность Высшим. С одним кинжалом против нечистого, пусть даже новорожденного, ловить нечего. Старики говорили: клыком полоснет кутруб, пусть даже неглубоко, — и встанешь столбом. Ни шевельнуться, ни взгляд перевести. А нечистый неторопливо будет пить твою кровь, пока его брюхо по земле волочиться не станет. И отойдет от тебя, лишь когда выпьет всю до капли и, покончив с деликатесом, закусит иссушенным мясом. На кой

ему где-то шляться, когда ты у него заместо дойной коровы будешь? Пока не помрешь, конечно...

В густую траву, росшую на границе Черного Пятна, Лис рухнул, как в мамкину перину. Саму мать он не помнил, а вот перина отпечаталась в младенческой памяти. Мягкая, пахучая, слегка пропахшая дымом костра...

Нет, не костра... Черного Пятна.

Лис опомнился и быстро вскочил на ноги.

Не время нежиться на травке, ох не время! Солнце клонилось к закату. Пусть он вырвался из Черного Пятна, но ведь и на земле, которой не коснулось Проклятие дракона, живут и ищут, чем бы поживиться, голодные лесные волки, медведи и неупокоенные вурдалаки. Встречаются порой такие уроды в пустынных землях — страшные, полуразложившиеся и вечно голодные. Старики говорят, что это мертвецы, которых по ошибке либо намеренно закопали в проклятую землю, где они переродились и ожили, либо трупы, которых маги земли вызвали из Обители мертвых и забыли либо не удосудились отправить обратно. Потому, чтобы не встретить дополнительных неприятных приключений на свою голову, следовало поскорее позаботиться о ночлеге. Но сначала — вода! Пусть даже лужа, но лучше, конечно, река, чтоб заодно смыть с тела и одежды черную копоть. Или, на худой конец, ручей.

Но ни реки, ни ручья парню на пути не попалось. Попалась именно лужа, правда, размерами смахивающая на небольшой пруд. В середине лужи, прикрыв глаза, нежилась неслабых размеров кабан, вооруженный желтыми клыками, угрожающе торчащими из пасти.

В другое время Лис предпочел бы обойти стороной эдакую зверюгу. Но сейчас ему было не до перестраховок. От жажды першило в горле, перед глазами летали черные мухи. Еще немного — и все, дальше не сделать ни шагу. Будь что будет!

Лис встал на колени и погрузил голову в лужу, ожидая, что вот сейчас кабан взревет, вскочит со своего места и поднимет его на клыки. Но лучше уж так, чем к закату умереть от жажды...

Ничего не случилось. Прохлада омыла лицо парня, стало немного легче. Осторожно приподняв голову, Лис посмотрел на кабана. Чудовище продолжало нежиться в луже, блаженно прикрыв оба глаза. Ему явно было не до Лиса.

Еще раз вознеся благодарность Высшим, Лис, стараясь не делать лишних движений, протянул руку, сорвал лопух и свернул из него подобие чаши. После чего отодрал клочок многострадальной подкладки

своей куртки, зачерпнул воды из лужи и, вобрав в рот часть тряпки, напился через этот нехитрый фильтр. Чем может закончиться для желудка такой способ утоления жажды, он старался не думать.

Выплюнув отяжелевшую от глины и грязи тряпицу, Лис осторожно встал на ноги. Кабан не шевелился. Лишь глаз один приоткрыл, посмотрел на Лиса и закрыл снова. Ну и слава Высшим!

Обогнув лужу по большой дуге, парень направился к недалекому лесу, из которого, надо полагать, и выбрался на водные процедуры огромный кабан. На дереве переночевать оно всяко безопаснее, чем в открытом поле.

Так и случилось. Выбрав громадный узловатый дуб, подобно предводителю зеленого воинства раскорячившийся на краю леса, Лис без проблем влез на него до середины и с удобствами устроился в развилке ветви толщиной в три обхвата его туловища. На всякий случай привязав себя к этой природной лежанке веревкой, до того поддерживавшей штаны, Лис заснул почти мгновенно — сказалось напряжение прошедшего дня. Долгого и страшного, как сама жизнь.

* * *

Он летел. Широкие крылья мерно вздымались и опускались — чуть голову поверни и рассматривай чудо невиданное в мельчайших подробностях. Мощные, кожистые, словно на переплетения тугих мышц умелые кожемяки натянули шкуры только что забитых серых коров. Лис понимал, что это сон, но ощущение полета было слишком реальным. Как реальны были заснеженные пики, проплывающие прямо под ним, как облака, обнимающие вершины гор, как глубокие пропасти между ними, похожие на рваные раны...

«Клыки Дракона — догадался Лис. — Непрístupные скалы, за которыми, говорят, лежат врата в Обитель мертвых, откуда и попала в наш мир тварь, спалившая мою деревню и дядьку Стаффа...»

Лис так и не понял, его ли это были крылья во сне или же он летел на спине их обладателя, но, как бы там ни было, жили те чудовищные крылья своей жизнью. Внезапно они сложились с шелестом, какой издает хороший меч, влетающий в ножны... и Лис камнем полетел вниз.

«Эх, не надо было так думать про хозяина крыльев...» — успел пожалеть Лис.

Но, как известно, хорошая мысль всегда приходит слишком поздно...

Как всегда бывает в кошмарах, в тот самый момент, когда разбросанные внизу острые осколки скал стремительно выросли в размерах и стали видны отчетливо, Лис проснулся. Парень даже успел порадоваться, что эти огромные камни были всего лишь сном... и удивиться, что не сном оказалось стремительное падение.

Удар был не особенно сильным — все-таки не с высоты драконьего полета он навернулся. Но вполне достаточным для того, чтобы дать себе зарок никогда больше не спать на деревьях.

Покряхтывая и потирая ушибленное колено, Лис поднялся на ноги, подрыгал конечностями, проверяя, целы ли. Не обнаружив существенных повреждений, парень вознес хвалу Высшим, что сохранили дурака в полете, после чего мерзопакостным словом обозвал старую веревку, не воспрепятствовавшую падению хозяина с дерева.

Связав оборванные концы и кое-как перетянув штаны отреставрированной веревкой, Лис немного успокоился. Все-таки ущерб оказался минимальным — только вот коленку отбил да морду слегка разодрал о куст малины, что так некстати вздумал присоседиться к дубу. Но это дело наживное, как говорится, до свадьбы заживет.

Подмигнув краю солнца, высунувшемуся из-за горизонта, Лис обобрал с куста спелые ягоды, после чего направился дальше, на ходу развлекая себя мыслями на предмет, почему люди говорят «до свадьбы заживет». А если у кого-то свадьбы не будет вообще? Например, если с лица некрасив или по причинному месту кто оглоблей заехал? Что ж ему, так до конца жизни с разодранной мордой ходить?

Когда человек молод, ему не свойственно долго мучить себя переживаниями. Ведь впереди жизнь настолько долгая, что кажется бесконечной. Лис был полон сил, страшное Черное Пятно осталось позади, слева от него приветливо шумел лес, гоняющий ветвями деревьев шаловливый ветер, а впереди уже маячили башни Стоунхенда, над которыми развевались видимые даже отсюда полотнища знамен, напоминающие виденные на картинке длинные и узкие раздвоенные языки драконов.

Однако, несмотря на кажущуюся близость города, путь еще предстоял неблизкий. Солнце уже давно полностью выбралось из-за горизонта и потихоньку катилось по небу, вполне ощутимо припекая неприкрытую макушку Лиса.

Горсть малины, ранним утром заброшенная в рот, давно переварилась, а ее лесная свежесть вместе с потом успела полностью впитаться в рубаху притомившегося парня. Лис уже всерьез подумывал о том, чтобы вернуться в чащу и поискать лесной родник, а также второй

куст с ягодами, потом третий и четвертый... Но отчетливый знакомый скрип за его спиной не дал окончательно созреть планам похода за едой, водой и прохладой.

Лис обернулся.

Так и есть...

Заморенная жизнью коняга еле плелась по утоптанной дороге. Тем не менее получалось у нее это все же побыстрее замученного приключениями Лиса, даже несмотря на то, что ей приходилось тащить за собой крытый возок вместе с возницей. Привычка — страшная сила. На морде лошади была написана покорность своей судьбе, какую часто можно встретить также и на лицах людей, заезженных каждодневным монотонным крестьянским трудом.

Возница же, наоборот, был вполне доволен жизнью. Его круглое лицо лучилось довольством, а нехилых объемов брюхо, возлежащее на бедрах, словно бурдюк с вином, свидетельствовало о том, что толстяк уже давно не изнурял себя работой на пашне, найдя себе в жизни более легкое и доходное занятие.

Возок поравнялся с Лисом.

— Слышь, парень, в город направляешься?

В иное время Лис бы промолчал. Или ответил что-то вроде: «А что, не видно? Дорога, поди, в городские ворота упирается». Но сейчас ему было не до препирательств. От заботливо укрытого рогожами возка распространялся настолько аппетитный запах, что у парня закружилась голова. Поэтому он лишь кивнул, сглотнув слюну, мгновенно заполнившую рот.

— Жрать, поди, хочешь? — осведомился возница.

Лис снова кивнул, отметив цепкий взгляд толстяка, скользнувший по горлышку серебряной фляги, торчащему из кармана куртки, и кинжалу, клинок которого высунулся из прорехи другого кармана.

— Ну садись, подвезу, — предложил возница. После чего засунул руку под рогожу и вытащил булку только что испеченного хлеба. — Только за еду и доставку отдашь мне вот это.

Мясистый палец указал на флягу.

«Губа не дура», — подумал Лис.

Но когда в дополнение к хлебу из-под рогожи был извлечен окорок неслабых размеров и глиняный кувшин, парень, отбросив сомнения, влез на возок, сунул толстяку флягу и принялся уписывать неожиданный завтрак за обе щеки. В кувшине оказалось прескверное кислое вино, но сейчас Лису было не до разносолов.

— Откуда сам? — через некоторое время поинтересовался толстяк, которому надоело слушать чавканье Лиса и горестные лошадиные вздохи.

Парень неопределенно мотнул головой в сторону — то ли направление показал, то ли кусок мяса зубами оторвал, понимай как хочешь. Возница щелкнул кнутом, подгоняя унылую лошадь, окинул Лиса внимательным взглядом и хмыкнул.

— Что-то ты неразговорчивый больно. Грязный как кутруб, набыченный, в волосах трава, морда расцарапанная. С дуба, что ли, рухнул?

— Было дело, — отозвался Лис.

Хлеб и окорок, благополучно перемолотые крепкими зубами и залитые вином, создавали в желудке приятную тяжесть. Почему бы не поговорить с хорошим человеком, берущим с путников за проезд и еду цену всего возка вместе с лошастью.

— А чего на дуб полез?

— Надо было, — буркнул Лис.

Болтливый толстяк начинал раздражать. И чего в душу лезет?

— Ну и ладно, — кивнул возница. — Не хочешь говорить — не надо. А я вот в Стоунхенд еду с товаром. Сам я из вольных, на рынке хлебом да мясом торгую. Тех булок, что я в своей домашней печистряпаю, городским нипочем не испечь. В самом городе-то кондитерскую открывать никак нельзя — власти налогами замучают да конкуренты обязательно секрет подсмотрят, как хлеб печь, чтоб он три дня оставался мягким да душистым. Так вот и мотаюсь между городом и своим селом. Ты, видать, тоже из деревенских?

Лис машинально кивнул, думая о своем.

— Хмм...

Толстяк окинул парня внимательным взглядом.

— В соседних поселках я тебя не встречал. А ты, часом, не из тех мест, что давеча дракон спалил?

Лис кивнул снова. Сейчас он прикидывал, как и на что будет жить в Стоунхенде. Родни нет, знакомых нет, в карманах ветер гуляет. Если только кинжал продать? Глядишь, на первое время хватит. А потом можно будет какую-никакую одежду прикупить и к кому-нибудь в работники наняться. Или в городскую стражу. Если возьмут, конечно...

— Так-так...

Толстяк замолчал и сосредоточенно защелкал кнутом. Хотя подгонять лошадь не было особого смысла. Надвратная башня городской стены была уже на расстоянии половины полета стрелы, и коняга,

почуяв близость стойла, без понуканий стала быстрее перебирать ногами.

Отвлечшись от своих мыслей, Лис с восхищением рассматривал зубчатые стены, сложенные из огромных, грубо отесанных камней, крутые угловые башни, увенчанные крышами, напоминающими громадные остроконечные шляпы, флаги, развевающиеся над теми крышами, и закованных в железо воинов, стоящих на страже городских ворот.

Человеческому глазу свойственно первым делом замечать все большое и блестящее. Потому взгляд Лиса не сразу остановился на десятке потемневших от времени деревянных столбов с перекладинами наверху, расставленных вдоль дороги. И то, что под ними висело, заставило парня поневоле содрогнуться.

На грубо оструганных глаголях болтались человеческие тела в разной степени разложения. Плечо одного из трупов оседлал ворон, пытаясь дотянуться клювом до глазного яблока повешенного. Ворон был матерым и тяжелым, и труп от движений когтистых лап дергался на веревке, словно пытался спасти единственный оставшийся глаз.

Почти рядом с виселицами валялись несколько куч разноцветного тряпья, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся нищими. Кто-то сидел, поставив перед собой пустые глиняные миски для подаваний и безучастно глядя на путников, кто-то лежал прямо на голой земле, закутавшись в свои тряпки. То ли спит бедолага, то ли уже отдал Вышшим душу — поди разбери.

Лис закусил губу.

«Не нравится мне что-то такой привет странникам от городских властей, — подумал он. — Может, ну его, этот Стоунхенд? Мир большой, и наверняка в нем найдется место, где погорельцев встречают живые...»

Пока он сомневался, возок прогрохотал окованными железными обручами колесами по бревнам подъемного моста и остановился напротив городских ворот, створки которых были приоткрыты ровно настолько, чтобы между ними мог протиснуться один человек. Скучающий стражник в шлеме с поднятым забралом и слегка помятой кирасе зевнул, поправил ножны с длинным кинжалом, висящие на поясе, прислонил к стене копьё и подошел к возку. Его товарищ в кольчуге до колен, вооруженный коротким мечом у пояса и небольшим полевым арбалетом, висящим на ремне за спиной, даже не изменил позы — как стоял, прислонившись спиной к стене, так и остался стоять. Только в глазах блеснул живой интерес, причину которого Лис понял, как только первый стражник открыл рот.

— В твоём гробу на колесах, как всегда, жратва?

Возница кивнул. Как показалось Лису, несколько напряженно.

— Лишнего ничего нет? А то ж проверю как-нибудь, сразу за все сдери по полной.

Толстяк горестно вздохнул, изображая на лице оскорбленную невинность.

— Ну ладно, ладно, шучу, — зевнул стражник. — Три медных монеты с тебя.

— Почему три? — вскинулся толстяк. — Всегда две было!

— Одна монета за воз, одна — за тебя, одна — за пацана.

— Роб, ты о чем это? Да я его знать не знаю! Просто подвез по дороге. Погоди, я тебе сейчас все расскажу...

С неожиданным проворством возница соскочил с воза и, отведя стражника в сторону, принялся что-то ему вполголоса втолковывать.

Лису это все порядком надоело. Он тоже слез с воза и направился было в сторону, противоположную воротам. К Нижним этот город вместе с его мертвецами — как живыми, так и настоящими!

Однако ушел он не дальше пары шагов.

Возле самого подъемного моста сидел нищий с лицом, напоминающим сгнившее яблоко как цветом, так и обилием шрамов и морщин. Лис, проходя мимо, еще подумал про себя: и как его стража не прогонит? Но мысль додумать не успел. Старик быстро протянул иссохшую руку и с неожиданной силой ухватил парня за полу многострадальной куртки.

— Ты из Черного Пятна? — быстро спросил он.

— Да, — ответил слегка растерявшийся Лис.

— Спасся, поди, в колодце?

— Ну да. А откуда ты...

— Неважно. Беги, парень. Только не в поле. На стенах дальнобойные арбалеты, стражники сразу же подстрелят, как куропатку. В город беги. Прямо до церкви, потом налево. Увидишь вывеску над дверью — разбитый фонарь. Нырять туда. Вербовщику скажешь три слова: «Защиты и покровительства».

— Но почему я должен бежать?

— Идиот, — прошипел нищий. — Слуги Высших считают, будто все, что выползает из Черных Пятен, — проклято и подлежит истреблению огнем и железом.

Краем глаза Лис увидел, как толстяк, разговаривающий со стражником, бросил в его сторону быстрый взгляд, продолжая шептать в открытый шлем, как стражник, кивнув, отстраняет возницу

и делает шаг по направлению к оставленному копыю, как арбалетчик, уловив движение товарища, медленно отлепляет спину от стены и на всякий случай кладет ладонь на рукоять меча...

Не зря два года натаскивал Лиса седой воин-ветеран, деревянным подобием меча и тупыми стрелами вколачивая в парня воинскую науку. Лис понял: еще мгновение — и его окровавленное мертвое тело будет сброшено в крепостной ров.

И он прыгнул. С места, словно та самая учебная стрела, сорвавшаяся с тетивы и летящая прямо в живот недостаточно проворного ученика, на бегу слыша знакомый шелест клинка, покидающего ножны.

Справедливо рассудив, что тяжелое копьё всяко медленнее меча, Лис поднырнул под занесенную руку арбалетчика и изо всех сил боднул его головой в защищенный кольчугой живот...

Из глаз тут же посыпались звезды.

«Хорошо, что не кираса», — пронеслось в голове.

Не ожидавший от парня такой прыти, стражник покачнулся и ухватился было свободной рукой за щедро смазанную жиром цепь подвесного моста, стремясь сохранить равновесие. Однако получилось только хуже — окольчуженная перчатка соскользнула с цепи, и стражник с грохотом приземлился на пятую точку.

Путь был свободен, и Лис что есть духу рванул к воротам. Боковым зрением он заметил, как второй стражник, не успевая выпадам копыя достать беглеца, отработанным движением руки заносит над головой свое оружие.

Уже у самых ворот Лис с размаху упал на живот, по инерции проехав на нем пару локтей. Над его головой просвистело негромкое «ш-шухх», после чего в створку ворот вонзился широкий наконечник копыя, древко которого дрожало, словно от злости на растяпу хозяина, который не догадался метить в цель на четыре пальца пониже.

Не дожидаясь, пока стража перестанет надеяться на свои силы и начнет орать, призывая подмогу, Лис вскочил на ноги и, протиснувшись меж приоткрытых створок городских ворот, понесся по главной улице города, не отвлекаясь на достопримечательности и где огибая, а где и отталкивая с дороги редких прохожих.

Ему повезло. Ранним утром народу на улице было немного, и даже летящий в спину крик копыеносца «Держи вора!» не сподвиг на поимку беглеца полусонных горожан, только-только покинувших свои дома.

«Спасибо, Высшие!» — мысленно поблагодарил Лис, следуя полученному совету и возле церкви круто поворачивая налево.

И тут он понял, что поторопился, ибо, как и рекомендовал в свое время дядька Стафф, любую благодарность стоит произносить, лишь когда дело доведено до конца.

Узенькую улочку перегораживала туша высотой около четырех локтей и примерно столько же в ширину. Ни пройти, ни проехать, ни обогнуть, ни перепрыгнуть. К тому же в правой руке гигант держал мясницкий топор нехилых размеров, одновременно левой почесывая необъятных размеров брюхо.

— Бежать вздумал, воришка? — ощерился здоровяк пеньками сгнивших зубов. — Ну иди, иди сюда. Отбегался, родимый.

Лис затравленно оглянулся. Бесполезно... Бежать некуда. Позади все ближе и ближе грохотали доспехи стражников. Еще несколько мгновений и...

Кустистые брови мясника недоуменно приподнялись, отчего кожа на лбу собралась в несколько жирных складок. Воришка неожиданно бухнулся на колени и пополз к нему.

— Дяденька, не губи! Пощади, дяденька!

На одутловатом лице гиганта отразилось сомнение.

— Да я это... Я ж только вот страже тебя сдам... Ты не подумай, я не душегуб какой... Я чтоб все по закону...

Завершить мысль ему помешало облако пыли и песка, неожиданно брошенное снизу в лицо. Бросок оказался точным — мельчайшее крошево забило сразу и широкие ноздри, и приоткрытый рот, и маленькие пороссячьи глазки.

— Ах ты, поганец! — взревел мясник, вслепую взмахнув топором. — Да я тебя щас...

Гибкая тень проскользнула у него между ног. Толстяк ударил со всей силы, но опоздал лишь на мгновение... А потом пришла боль. Резкая и нестерпимая...

Некоторое время мясник тупо разглядывал топор, торчащий из ступни, после чего неожиданно тонко всхлипнул.

— Мой сапог, — плачущим голосом простонал он. — Моя нога... Люди, помогите...

Вывернувшийся из-за угла стражник, бегущий с мечом наперевес, заорал дурным голосом, вращая глазами навывкате:

— С дороги, чучело! Нечистого упустим!

— Мой сапог... — продолжал стонать гигант, мерно раскачиваясь из стороны в сторону. — Помогите топор достать, люди добрые! Сам я ни в жисть...

Краем уха Лис слышал сзади стоны раненого толстяка и вопли стражи, пытающейся убрать с дороги неожиданное препятствие, но все это было уже неважно.

В конце улочки стояло большое трехэтажное здание, так же, как и городские стены, сложенное из тесаного камня. Узкие стрельчатые окна больше напоминали бойницы, а из башенки, возвышающейся над кровлей третьего этажа, можно было вполне успешно силами пары арбалетчиков простреливать как всю улочку, так и «мертвую зону» возле мощной дубовой двери, которую разве только крепостным тараном и штурмовать в случае, ежели кто-то сильный и могущественный решит вдруг во что бы то ни стало добраться до хозяев дома-крепости.

Над окованной железными полосами дверью на толстых цепях болтался старый фонарь. Бесценная, наверно, штука была в свое время, пока какой-то варвар не разбил стрелой дорожное стекло фонаря. Стрела, кстати, так и осталась торчать меж острых осколков стекла, словно в живой рваной ране.

Лис бросился к двери, схватился за железное кольцо и замолотил им в дверь со всей силы.

— Входи, добрый человек, — немедленно раздался голос из-за двери. — Не заперто.

Лис потянул кольцо на себя — и массивная дверь поддалась на удивление легко. Парень шмыгнул внутрь полутемного помещения и остановился на пороге, осматриваясь и хватая ртом спертый воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

Несмотря на то что с минуты на минуту дверь должна была распахнуться и меч стражника, войдя в спину нарушителя спокойствия, поставил бы в книге его жизни жирную стальную точку, Лис каким-то звериным чутьем понял, что он в безопасности.

Он стоял в просторном зале... в котором не было ничего, кроме четырех стоящих по углам больших светильников из тяжелого черного металла, утыканых чадящими свечами, массивного стола, стула с очень высокой спинкой и человека в черном балахоне, сильно напоминавшем сутану слуги Высших. Человек сидел на стуле, положив на стол худые руки с длинными пальцами. И отчего-то казалось, что это не части тела живого человека, а абсолютно посторонние, неживые предметы, на одном из которых сверкал массивный перстень с печатью. Таким же мертвым показалось Лису и лицо сидящего. Выцветшие брови, бледное лицо, тонкие, бескровные губы и абсолютно неживые глаза, смотрящие словно сквозь Лиса. И парень понял:

в присутствии этого человека стража не посмеет не только убить его, но даже переступить порог без приглашения. Хотя на всякий случай, припомнив слова нищего, произнес:

— Защиты и покровительства!

Змеиные губы человека дрогнули.

— Являешься ли ты хозяином своего тела, души и разума?

Слова живого мертвеца непостижимым образом разносились по всему залу. Казалось, будто из каждого угла невидимые слуги хором повторяют сказанное.

«Чушь какая-то», — пронеслось в голове у Лиса, но он на всякий случай кивнул. Времени задавать вопросы не было — он явственно слышал за дверью бряцанье тяжелых доспехов. И несмотря на то, что частая дробь околючуженных сапог по мере приближения к двери сменилась звуком неуверенных шагов, вполне могло стать, что нерешительность городской стражи явление временное.

— Осознаешь ли ты то, о чем просишь?

Лис кивнул снова. Сейчас он осознавал лишь то, что позади него стоят два вооруженных стражника и от его спины острия их клинков отделяют лишь несколько дубовых досок, скрепленных железными полосами.

— Готов ли ты вступить в гильдию Воинов Ночи?

Лис настолько энергично дернул головой сверху вниз, что у него заболела шея и тонкая струйка крови, скатившись по переносице, потекла по подбородку.

«Кутруб тебя побери! — выругался про себя Лис. — Об кольчугу того дуболома лоб разодрал, не иначе. Пока бежал, рану волосами залепило, а нынче кровь отворилась. Сейчас прогонит меня тощий демон, чтоб пол не пачкал, тут мне и конец».

Однако его опасения не оправдались. На столе перед «тощим демоном» не было ничего, кроме куска пергамента и заточенного гусяного пера, лежащего на простой деревянной подставке. Лис еще успел удивиться — где ж чернильница? В деревне было всего один грамотей — слуга Высших, бравший за церковные обряды и составление писем непомерную плату. Так он всегда ходил с письменным набором и переносной чернильницей на поясе. А тут перо есть, а...

— Плохо, когда большой и сильный хочет обидеть слабого и беспомощного, — прервал ход размышлений Лиса человек в черном балахоне, пододвигая к краю стола кусок пергамента. — Подойди, неофит. Ты должен расписаться под договором.

«Интересно, он что, знал, что я приду, и загодя договор написал? Или у них все заранее заготовлено на случай, если кому-то срочно защита и покровительство потребуется?»

Однако мысли не мешали ему осознавать, кто, переминаясь, сомневается за дверью — входить или подождать, пока жертва сама выйдет? Поэтому Лиса долго упрасивать не пришлось. Чуть не бегом парень пересек зал и остановился возле стола, соображая, каким образом он сейчас будет ставить кружок под пергаментом абсолютно сухим пером.

Смысл строк, написанных на квадратном куске телячьей кожи, для Лиса было недоступен — у дядьки Стаффа в жизни не набралось бы столько денег, чтобы научить приемыша столь сложному искусству, как грамота. Да и нужно ли оно что простому пахарю, что воину? Отрывок из Книги Высших, если надо будет, Посвященный прочтет, а иных книг, наверно, и на свете нет. Во всяком случае, Лис о них не слышал.

Вблизи человек в балахоне производил еще более жуткое впечатление. То, что издали казалось глубокими морщинами, оказалось застарелыми шрамами. Причем на удивление симметричными, словно их нанесла чудовищная лапа с острыми когтями, когда-то давно пытавшаяся сорвать лицо с черепа благодетеля Лиса. Хотя благодетеля или нет — это еще вопрос. Кто его знает, что у него на уме. Вдруг...

Додумать мысль снова не получилось.

«Благодетель», до этого неуверенно вертевший в руке перо, вдруг выбросил вперед руку, да так быстро, что Лис заметил лишь размытую линию. И, естественно, не успел отшатнуться.

Отточенное перо ощутимо кольнуло рану над бровью, словно птица клюнула. Лис недоуменно хлопнул глазами и инстинктивно поднял руку ко лбу.

— Не трожь, — скомандовал равнодушный голос, и Лис совершенно неожиданно для себя подчинился. Его рука словно по волшебству остановилась на полпути. И в эту руку длинные пальцы человека в балахоне ловко вложили перо с алой каплей на кончике.

— Размажешь кровяницу по ладони, договор ненароком заляпашь, — пояснил вербовщик. — Расписывайся.

Лису показалось, что правая рука сама, без его участия и желания, поставила кружок под текстом на пергаменте.

— Ну, вот и отлично.

В голосе вербовщика проскользнула едва заметная нотка удовлетворения, которое испытывает человек, хорошо сделавший свою работу. Длинные пальцы сноровисто скатали пергамент в трубку

и перевязали его красной нитью. Словно ниоткуда возникла на столе зажженная свеча в подсвечнике из желтого металла, выполненном в виде миниатюрного человеческого черепа. На ней вербовщик разогрел тонкую палочку сургуча, смастерил из нее блямбу, навесил ту блямбу на нить и запечатал перстнем.

Лис стоял столбом, заворуженно глядя на руки вербовщика, которые двигались с неестественной для обычного человека быстротой и ловкостью. Стоял и думал, что захоти сейчас этот человек убить его, пожалуй, ему хватит одного движения, которого Лис просто не заметит.

Нерешительный стук в дверь вернул парня в реальность.

— Входите, — разрешил вербовщик.

Лис даже не стал оборачиваться. Зачем? Что он сможет сделать против двоих закованных в броню воинов в пустом зале? Только сейчас он осознал, что подписал какую-то бумагу, не зная, что в ней написано. Может, сам себе приговор одобрил? Хотя особого выбора-то все равно не было. Так что зачем лишние движения? Не все ли равно, как тебе смахнут мечом голову — лицом к двери или наоборот...

— Мессир, этот человек...

— Вы слишком долго топтались под дверью, доблестные воины.

Человек в черном поднялся со стула, и Лис удивился в который раз за сегодняшний день. Таких высоких людей он еще никогда в жизни не видел. Голос вербовщика с громким званием «мессир» звучал одновременно со всех сторон, заставляя вжимать голову в плечи от величия услышанного.

— И вы опоздали. Этот человек только что стал членом гильдии Воинов Ночи.

Лис осторожно повернул голову и посмотрел через плечо.

Двое стражников представляли собой жалкое зрелище. Растерянные, прячущие глаза в пол и заметно дрожащие от страха фигуры — аж доспехи слегка позвякивали. Нет, конечно, «мессир» производил внушительное впечатление, но чтобы вот так тряслись от одного его вида вооруженные воины? И потом, что значит это «мессир»? Что-то такое рассказывал дядька Стафф давным-давно, вспоминая старую легенду. Искореженное просторечием «мой сир»? Обращение то ли к рыцарю, то ли к носителю секретных знаний, то ли к главе тайного ордена...

— Вы свободны, — отрывисто бросил человек в черном.

Две закованные в железо фигуры словно только того и ждали — отвесив каждый по глубокому поклону (как только шлемы с голо-

не свалились?), они вымелись из зала со скоростью, казалось бы, невозможной для людей, носящих на себе по полтора пуда местами проржавевшего металла.

Лис стоял, рассматривая окровавленное перо, валяющееся на столе. Смотреть больше было не на что. Мессир стоял над ним, возвышаясь, словно черная тень демона смерти, и поднимать глаза решительно не хотелось. Кому охота лишний раз смотреть в лицо человека, напоминающего посланца подземного мира? Да и человека ли? Может, это и есть один из Нижних богов, о которых полупшепотом рассказывают долгими зимними вечерами старики у общинных костров?

Однако посмотреть заставили. Холодные, жесткие пальцы сомкнулись на нижней челюсти Лиса. Резкая боль пронзила низ подбородка, и парень волей-неволей задрал голову кверху.

Несколько мгновений мессир рассматривал лицо Лиса, как привередливый покупатель, выбирающий на рынке окорок посвежее, поворачивая голову парня так и эдак. Видимо, удовлетворившись осмотром, человек в балахоне кивнул и, отпустив подбородок, хлопнул в ладоши.

Немедленно в конце зала отъехала в сторону неприметная панель.

«Ничего себе дверь! — удивился Лис, потирая онемевший подбородок. — В двух шагах стоять будешь — не заметишь. Странное место. Интересно, куда я все-таки попал?»

Из-за панели вытек очень худой человек, закутанный в темно-серый, слегка мешковатый костюм, оставляющий открытыми лишь бесстрастное лицо и кисти рук. Именно вытек, а не вышел. Движения человека были плавными и одновременно стремительными. Словно на теле большой змеи кто-то искусно сделал три длинных надреза, которые превратились в человеческие конечности. А потом та змея научилась ходить на своем бывшем хвосте, переставляя две его половинки, лишённые костей.

Человек-змея приблизился. Не доходя до мессира пары шагов, он склонил голову и перетек в положение на коленях.

— Проводи неопита в келью, Мунк, — распорядился вербовщик. — Заберешь у него оружие, потом дашь ему еды, питья и немного «Драконьей крови». Пусть отдохнет с дороги, расслабитесь и выспитесь.

— Крови дракона? — переспросил Лис. Пить юшку летающей твари, которая сожгла его дом и дядьку Стаффа, Лису решительно не хотелось.

— Это название одного из лучших сортов вина, которое есть в погребах гильдии, — отмахнулся мессир. — Сейчас ты будешь есть

и спать, чтобы завтра быть готовым к церемонии посвящения в Воины Ночи.

— А что я должен буду делать, когда стану Воином Ночи?

Вопрос Лиса потонул в складках балахона, ниспадающего с плеч мессира до самого пола. Человек, обладающий способностью повергать в ужас вооруженных воинов одним своим видом, повернулся спиной к парню, обогнул стул с высокой спинкой и словно поплыл над полом.

Легкий хлопок по плечу на мгновение отвлек Лиса от удаляющейся фигуры. Он обернулся — и его взгляд наткнулся на внимательные глаза человека-змеи. Тот, кого вербовщик назвал Мунком, одним незаметным движением извлек из кармана Лиса рыцарский кинжал, после чего махнул рукой, мол, иди за мной. Повернулся — и направился к квадратной дыре в стене, которую язык не поворачивался назвать входом: все-таки люди обычно входят в двери, а не в стены. Лис кивнул, но прежде, чем последовать за странным слугой, обернулся. В зале больше никого не было, кроме него и Мунка. Вербовщик словно провалился сквозь землю.

Лис поежился. Жуть какая-то. Замаскированные входы, слуги, выходящие из стен, господа, имеющие обыкновение исчезать, словно привидения. А может, это и было привидение?

Лис осторожно потрогал лоб. Нет, вряд ли. Привидения не тычут заточенными перьями в людские раны с целью добыть каплю кровавых чернил. Это или слуга Нижних богов, или черный колдун, или...

— Ыыы!

На этот раз хлопок по плечу был гораздо жестче. Лиса аж скрючило слегка. Кто бы мог подумать, что легкий тычок в плечевое сочленение костей может причинить такую вспышку боли? К счастью, кратковременную. Да, в этом доме с гостями не церемонятся.

— Ы!!!

— Да иду, иду, — проворчал Лис, потирая плечо. В другое время он, может, и двинул бы этому Мунку промеж внимательных глаз, но сейчас не в том он был положении, чтобы драться со слугами господина, который только что спас его от смерти. Ради такого дела можно и потерпеть. Некоторое время.

— А ты чего «ыкаешь»? Немой, что ли?

Слуга обернулся, окинул Лиса взглядом, полным ненависти, и потек к проему в стене, более не оборачиваясь.

«Интересно, как это он так ходит? — думал Лис, следуя за слугой. — Кошку и то слышно, как она лапками по полу топочет. А этот

как поземка по льду скользит, будто в нем вовсе веса нет. Не иначе, колдовство какое...»

За черной дырой в стене сразу начиналась крутая винтовая лестница, ведущая вниз. Отчаянно чадающие факелы, воткнутые в ржавые держатели, откованные в форме торчащих из стен драконьих лап, давали больше сажи, чем света, которого еле-еле хватало на то, чтобы рассмотреть ступени. Спускаясь вслед за Мунком, Лис невольно жался к стене, рискуя подпалить волосы об очередной факел. Уж больно неприятно выглядел бездонный круглый колодец, вдоль которого вилась узкая каменная лестница со ступенями, стертыми тысячами ног за многие-многие годы.

«И сколько же народу за это время ухнуло в ту дыру? — подумал Лис. — Хоть бы перила догадались поставить, того и гляди сорвешься».

Но коренных обитателей замка этот вопрос точно не волновал. Мунк стекал по лестнице быстро и уверенно, словно горный тролль по карнизу над пропастью, — только успевай догонять.

От бесчисленных витков у Лиса начала слегка кружиться голова. По его подсчетам, они спустились уже на глубину не меньше полусотни локтей. Порой в стене попадались большие черные дыры, похоже, входы в тоннели, из которых несло сырým сквозняком. Встречались и двери, наверно, не открывавшиеся со времени постройки замка — столько на них было паутины и потеков извести, вымытой из древней кладки подземной сыростью.

Наконец Мунк остановился перед одной из таких дверей, с виду ничем не отличающейся от предыдущих. На его руке блеснуло кольцо с камнем, таким же серым, как и одеяние слуги. Мунк потер камень мизинцем левой руки, совершив при этом кистью сложный жест, который вот так с ходу не повторить, как ни старайся. После чего, не отрывая мизинца от камня, дунул на то место, где у обычной двери положено быть ручке и замочной скважине.

Лис не поверил своим глазам — дверь бесшумно ушла вбок, прямо в каменную кладку, вместе с паутиной, ржавыми петлями и мощной оковкой толстенных дубовых досок, потемневших от времени.

Парня передернуло.

«Магия! Запрещенное действие, за которое полагается смерть на костре в любом графстве, если ты не принадлежишь к гильдии Сенситов или не являешься слугой Высших! Куда я попал? Мунк явно не Сенсит и уж точно не Посвященный. Тогда чей это замок? Неужто последователей Низших, по слухам, использующих черную магию Неупокоенных? Но тогда смерть на костре покажется невиданной

милостью в случае, если меня поймают стражи Закона. Ведь я только что подписал бумагу о том, что являюсь членом гильдии, о которой никогда не слышал!»

Только сейчас Лис осознал, что наделал. И от этого ему стало совсем муторно. Подписать договор с людьми, использующими магию... Уж лучше тихо-мирно умереть на виселице за воровство, чем быть сожженным заживо. Или и того хуже — корчиться на колесе в страшных мучениях много дней, если Чистильщики Веры заподозрят, что ты использовал магию.

Но пути назад не было, разве только головой вниз, в бездонный пролет винтовой каменной лестницы. Но головой вниз пока не хотелось — свойственно человеку надеяться на лучшее до последнего. Вот Лис и пошел вслед за Мунком по коридору, открывшемуся за заговоренной дверью, — длинному, сырому, полутемному. Те же факелы на стенах, те же заросшие паутиной двери по бокам коридора...

«От сырости да плесени даже магия не помогает, — нервно усмехнулся про себя Лис. — Интересно, для кого построены эти казематы? Здесь же не одну сотню человек запереть можно».

Мунк остановился у одной из дверей и, произведя ту же процедуру с кольцом, шагнул в образовавшийся проход, поманив парня за собой. Лис, переступив порог, машинально провел рукой по косяку. Сплошной камень, никаких следов паза, в который могла уехать дверь.

«Точно магия», — подумал Лис... и неожиданно успокоился. Ну магия и магия, что ж с того? Живут себе эти странные люди в доме-замке, построенном внутри города, и, судя по поведению стражи, пользуются неслабым уважением властей. Значит, и ему нечего трястись, если запретные действия здесь в порядке вещей.

Он осмотрелся. Помещение здорово смахивало на келью служителя Высших, которую Лис видел в деревенском храме, когда носил Посвященному положенную ежемесячную десятину от скудных доходов дядьки Стаффа. Только здесь, понятное дело, стены были не деревянные, а сложенные из грубо обтесанного серого камня.

Стол заменял куб, высеченный из того же материала. Вместо табуретки — просто плоский серый валун, которого даже не коснулся резец камнетеса. Ворох подгнившей соломы в углу — это, небось, постель. А дыра в полу — сток для нечистот. Скудное убранство кельи освещал факел, воткнутый в рыхлую от ржавчины железную драконью лапу, вделанную в стену, — такую же, как на лестнице и в коридоре. И на всем — налет слабой магии. Не надо быть колдуном, чтобы понять простейшее: факел хоть и чадит, но затухать явно не собирается.

Окна в келье нет (оно и понятно, подземелье же!), но в то же время в ней не душно. И из стока не воняет, хотя должно непременно. Не бывает так, чтобы дерьмо, да не пахло. Ясное дело, магия...

Сзади послышался еле слышное «тук!».

Лис обернулся.

Понятно. Дверь, с виду толстенная, что твои крепостные ворота, тихонько встала на свое место после того, как из камеры неслышно выскользнул Мунк. Замечательно. И что теперь прикажете делать в этом каменном мешке?

Впрочем, недолго отсутствовал немой прислужник мессира. Лис только-только успел солому перевероршить, мастера себе лежбище поудобнее, как человек-змея появился, неся в руках поднос с двумя плошками и небольшим кувшином с узким горлышком. Сгрузил все это на стол и, даже не посмотрев на парня, ретировался.

Лис полюбовался в очередной раз, как плавно ходит туда-сюда тяжеленная с виду дверь, но уже без особого удивления — человеку свойственно привыкать к необычному. Только что стоял столбом, рот открывши, а как удивительное повторилось раз-другой-третий, уже вроде оно и в порядке вещей. Вроде так и надо и по-другому вовсе быть не должно.

В общем, Лис решил голову больше не ломать над вопросами, на которые все равно ответа не предвидится, и воздал должное ужину. Кстати, на редкость вкусному. Более того — ничего более восхитительного Лису в жизни есть не доводилось.

В одной плошке оказалось какое-то белое нежное мясо с розовой подливой, которое парень попробовал сначала с опаской. Но, осторожно разжевав первый кусочек размером с ноготь, после в один присест умял всю тарелку. Во второй плошке тягуче перекачивался жирный, наваристый то ли суп, то ли студень — не разобрать. История повторилась. Попробовали, зажмурились от удовольствия и тут же умяли все, после вылизав глубокую деревянную тарелку, украшенную сложным резным узором.

А в кувшине было вино. Наверно, та самая «Кровь дракона», о которой говорил вербовщик. И ведь не наврал. Более того, наверно, поскромничал, говоря, что это лучшее вино, которое есть в погребках гильдии. Смакуя содержимое кувшина и жмурясь от удовольствия, Лис подумал, что это самый что ни на есть лучший напиток в мире! И самый хмельной на свете.

Вроде было в кувшине всего-то ничего, а в голову шибануло будь здоров. Лис как-то у проезжего винодела бутылку крепчайшего само-